

Е.В. ШЛЫКОВА

СУБЪЕКТИВНАЯ ОЦЕНКА ЛИЧНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ АДАПТИРОВАННОСТИ К РИСКОГЕННОЙ СРЕДЕ

Аннотация. Исходным в статье является положение о росте рискогенности среды современного российского общества под воздействием экономического кризиса, вызывающего уязвимость населения и требующего адаптации. Определена специфика социологического подхода к оценке личной безопасности, основанная на ее связи с социальным самочувствием и процессом адаптации к условиям неопределенности среды. Обоснована необходимость включения субъективной оценки безопасности в эмпирические исследования социального самочувствия. Показана недостаточность традиционных индикаторов для достоверной эмпирической интерпретации показателя «личная безопасность», измеряемого в рискогенной среде. Предложено расширенное эмпирическое представление о личной безопасности путем включения в этот показатель оценок повседневного эмоционально-психологического состояния и уверенности / неуверенности в будущем. По сконструированному показателю личной безопасности на базе анализа эмпирических данных «пятой волны» (октябрь 2016 г.) мониторингового исследования Института социологии ФНИСЦ РАН выявлены группы населения, различающиеся по оценкам социального самочувствия. Представлены социальные портреты адаптированных и неадаптированных к рискогенной среде групп населения. На основе анализа вклада личной безопасности в оценку социального самочувствия обоснована связь первой с уровнем адаптированности к рискогенной среде. Продемонстрировано, что высокая оценка личной безопасности — важный адаптационный ресурс, а низкая — барьер на пути к адаптации. Показана цель адаптации к рискогенной среде — достижение определенного статуса безопасности, основанного на высоких оценках собственного положения и состояния среды. Включение оценок состояния среды в показатель социального самочувствия позволило наметить основные направления развития адаптационного потенциала для повышения скорости и успешности адаптации к рискогенной среде: оздоровление экономики страны в целом; повышение уровня жизни населения; нормализация рынка труда и снижение уровня безработицы; улучшение здравоохранения, образования и пенсионного обеспечения, ситуации в сфере прав и свобод; развитие демократии.

Ключевые слова: субъективная оценка личной безопасности; рискогенная среда; риск; социальное самочувствие; адаптация; адаптированность.

Шлыкova Елена Викторовна — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН.

Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5.

Телефон: +7 (499) 128-76-51. **Электронная почта:** shlykova70@yandex.ru

Для цитирования: Шлыкова Е.В. Субъективная оценка личной безопасности как показатель адаптированности к рискогенной среде // Социологический журнал. 2018. Том 24. № 3. С. 56–75. DOI: 10.19181/socjour.2018.24.3.5993

Исследовательские задачи и обоснование методологического подхода к их решению

Одна из существенных характеристик современной реальности — трансформация привычных повседневных жизненных условий в рискогенные, когда угрозы появляются в тех средах, в которых социальные субъекты чувствовали себя в безопасности из поколения в поколение [27]. Вследствие нелинейности изменений среды обитания усиление существующих и появление новых рисков в ней происходит «при переходе от состояния определенности к неопределенности и наоборот» [4, с. 59]. Период флуктуации в современном российском обществе детерминирован социально-экономическим кризисом и характеризуется стремительным ростом числа и широким распространением повседневных рисков, а возросшая рискогенность среды формирует научный запрос на включение оценки уровня безопасности в эмпирические исследования социального самочувствия.

Согласно классическому определению, безопасность — это защищенность жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз. Понятие безопасности личности появилось в конце прошлого века вместе с формированием гуманистической парадигмы, центральным субъектом которой является личность.

Понятие личной безопасности наиболее разработано в правовом и политологическом аспектах и раскрывается в этих областях знания через гражданские права и свободы личности. Отечественную науку всегда отличал деятельностный подход к изучению процессов и явлений, стремление к междисциплинарному взаимодействию. Несмотря на различия предметов и проблем, разные концепции безопасности имеют общее понимание того, что личность обладает наряду с юридическими также частными, гражданскими, экономическими и иными правами и свободами, соблюдение и защита которых составляет ее безопасность.

В социологии безопасности [12] и социологии риска [18; 20; 27] личная безопасность является одним из основных понятий, поддающихся измерению, то есть эмпирической интерпретации и операционализации. В отличие от психологии, рассматривающей безопасность через особенности субъективного восприятия и проблему психологической защиты, социология риска и безопасности реализует аксиологический подход и оценку связывает с категорией социального самочувствия личности и процессом адаптации, в том числе к условиям неопределенности среды, которая может при ряде условий из нейтральной преобразоваться в рискогенную.

Социологи обосновали как научную продуктивность, так и практическую ценность изучения и «выявления факторов и социальных

параметров оценки личной безопасности в разных группах современного российского общества» [19, с. 45].

Для целей нашего исследования представляют интерес разработки, в которых оценки личной безопасности встроены в комплексный показатель социального самочувствия. Обобщение подходов к измерению личной безопасности в полевых социологических исследованиях позволяет выделить как минимум три варианта эмпирической интерпретации этого показателя в структуре социального самочувствия: (1) личная безопасность как «социальное благо», оцениваемое по «шкале достаточности» [1]; (2) личная безопасность как одна из сторон жизни, оцениваемая по шкале удовлетворенности [5; 13]; (3) безопасность личности (в совокупности — населения) как субъективная оценка «опасности» проблем в различных сферах жизни общества (рейтинг) [10].

Такие подходы представляются недостаточными для достоверной эмпирической интерпретации показателя «личная безопасность», *измеряемого в рискованной среде*, так как не учитывают целый ряд важных теоретико-методологических проблем исследования безопасности в целом. В этой связи важной методологической задачей нам видится расширение эмпирического представления о личной безопасности.

В рамках социологии риска принципиальным представляется разведение понятий «безопасность личности» и «личная безопасность», основанное на объектно-субъектных характеристиках индивида применительно к процессу обеспечения безопасности. Как *объект* индивид испытывает направленное воздействие институтов безопасности по обеспечению его защищенности от угроз и риска; как *субъект* — вступает во взаимодействие с участниками процесса обеспечения безопасности и задает рамки для определения желаемого уровня собственной защищенности в той или иной области. Понятие «личная безопасность» отражает субъектную сторону индивида и трактуется как «состояние защищенности человека, гражданина от угроз опасности, формирующихся на уровне его личных восприятий и потребностей» [3, с. 138]. При измерении субъективных оценок безопасности важно учитывать следующее.

Различные субъекты оценивают безопасность по-разному: существуют «неосторожные» и «сверхосторожные» индивиды и группы, в контексте безопасности «довольствующиеся малым и, напротив, не удовлетворяющиеся ничем» [17, с. 30]. Следовательно, чаще всего измеряемая в эмпирических исследованиях субъективная оценка уровня удовлетворенности или достаточности личной безопасности может обуславливаться разнообразными индивидуально-личностными дифференцирующими факторами. Мы полагаем, что показатель личной безопасности наряду с ее простой оценкой должен включать и другие индикаторы.

В массовом сознании «сигнальную функцию» незащищенности выполняет тревожность [6], как эмоциональная реакция на субъективно переживаемую реальную или потенциальную угрозу. На наш взгляд, пороговое значение безопасности может определяться наличием / отсутствием тревожности в сознании социальных субъектов, а показатель

личной безопасности должен включать оценку повседневного эмоционально-психологического состояния. Это поможет решить существующую теоретико-методологическую проблему исследования безопасности, заключающуюся в отсутствии «убедительных концептуальных подходов к выбору пороговых значений», с помощью которых можно установить реальный или желаемый уровень защищенности [24, с. 92].

Опираясь на представления, что показатель, сконструированный на базе субъективных оценок, помимо ситуативных (спонтанных), должен включать оценки прожективные, обеспечивающие ему «определенную устойчивость» [22], считаем необходимым включить в расширенный показатель личной безопасности оценку, «отражающую прямую экстраполяцию в будущее нынешнего положения вещей» [26, с. 485]. Важнейшая характеристика рискогенной среды — неопределенность будущего — вызывает у социальных субъектов чувство неуверенности. Для фиксации состояния защищенности в более-менее отдаленной перспективе предлагаем включить в показатель личной безопасности оценки уверенности / неуверенности в будущем.

Таким образом, сконструированный расширенный для рискогенных сред показатель включает в себя оценки личной безопасности, повседневного эмоционально-психологического состояния, уверенности / неуверенности в будущем и отражает статус личной безопасности как защищенности от негативного влияния рискогенной среды.

Результаты наших предшествующих исследований показывают, что повышенная рискогенность среды определяет особенности процесса адаптации, а именно требует затраты специфических ресурсов, набор которых связан с особенностями источников и силой неблагоприятного воздействия, а также коррелирует с оценками защищенности и детерминирует определенный статус безопасности социальных субъектов [15].

Как уже отмечалось выше, важнейшим источником рискогенных изменений в различных сферах современного российского общества является экономический кризис. Его неблагоприятное воздействие вызывает рост уязвимости населения и актуализирует научно-практическую задачу поиска ресурсов, способствующих и препятствующих успешной адаптации к новым условиям среды.

Комплексный социологический мониторинг «состояния и динамики российского социума, испытывающего на себе одновременное воздействие трансформационных процессов и кризисных условий жизни-существования» [2, с. 9], в целом фиксирует резкое снижение уровня социального самочувствия населения России в острую фазу кризиса (2015 год) и постепенный рост в посткризисный период (конец 2016 — начало 2017 года) [2]. Наряду с этим авторы, анализирующие результаты мониторинга, приходят к выводу, что одним из параметров, низкие показатели которого в пик кризиса оказывают «заметное негативное влияние на общее чувство удовлетворенности жизнью, приводя в итоге к ощущению неблагополучия» [13, с. 90], выступает «личная безопасность».

Интерпретация выводов коллег с позиции социологии риска позволяет предположить, что в рискогенной среде личная безопасность, будучи элементом социального самочувствия, выступает одним из факторов, определяющих его общую оценку. Социальное самочувствие, как мера адаптированности [7], определяет успех / неуспех адаптации. Таким образом, основная гипотеза нашего исследования — наличие связи оценок личной безопасности и уровня адаптированности к рискогенной среде.

Наша исследовательская цель — на базе расширенного эмпирического показателя личной безопасности обосновать ее связь с уровнем адаптированности к рискогенной среде через анализ вклада личной безопасности в оценку социального самочувствия.

Эмпирическая база и задачи целевого анализа

Эмпирическую базу анализа составляет массив данных «пятой волны» (октябрь 2016 года) мониторингового исследования Института социологии ФНИСЦ РАН «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах», созданный при финансовой поддержке РФФИ. Опрос проводился по многоступенчатой районированной выборке с квотным отбором единиц наблюдения на последней ступени. Выборочная совокупность репрезентирует взрослое население России в возрасте от 18 лет по полу, возрасту, уровню образования, типу поселения и составляет 4000 человек [21, с. 11–12].

На основании сконструированного расширенного показателя личной безопасности в имеющемся массиве данных выделим группы, различающиеся по уровню защищенности в рискогенной среде. Первую составляют респонденты, высоко оценивающие личную безопасность, характеризующиеся позитивным эмоционально-психологическим состоянием (ощущающие эмоциональный подъем, чувствующие себя спокойно, уравновешенно), в той или иной степени уверенные в своем будущем. Во вторую группу входят респонденты, низко оценивающие личную безопасность, характеризующиеся негативным эмоционально-психологическим состоянием (ощущающие тревогу, раздражение, озлобленность, агрессию или находящиеся в состоянии апатии), в той или иной степени не уверенные в своем будущем. Другие группы составляют респонденты с различными комбинациями признаков личной безопасности.

Для обоснования вклада личной безопасности в оценку социального самочувствия адекватным представляется *сравнительный анализ двух целевых групп* — противоположных по показателям ощущения личной безопасности. Этот метод позволяет расширить интерпретационные возможности анализа данных мониторинговых исследований «состояния и динамики российского общества в условиях кризиса» [21, с. 7], где методология и методика «основывалась на применении комплексного и контекстного подходов к изучению социальных явлений и процессов, подверженных количественно-качественным изменениям, которые

происходят под влиянием внутренних и внешних факторов» [21, с. 7]. «Контекстный» подход фиксирует общие тенденции, метод целевых групп позволяет осуществить анализ специфики проявления общих тенденций в специфических социальных условиях и средах и на уровне конкретных социальных групп. Применение обозначенного метода позволит определить сходства и различия в уровнях социального самочувствия, как меры адаптированности к рискогенной среде, в зависимости от характера субъективной оценки личной безопасности.

В связи с этим для дальнейшего анализа из выделенных групп мы отобрали первые две, назовем их условно «защищенные» и «незащищенные». Доля «защищенных» в общем массиве составляет 15,7% (626 человек), «незащищенных» — 3,5% (140 человек). Мы отдаем себе отчет в том, что основную часть массива составляют респонденты с другими, очень разными, комбинациями индикаторов показателя личной безопасности. Как показывают результаты анализа, полученные на этапе конструирования расширенного показателя, вариативность выбора респондентами индикаторов личной безопасности внутри него открывает возможность типологизации населения России по этому признаку. Однако полагаем, что это задача для другого исследования. Для проверки выдвинутой гипотезы в рамках статьи продуктивным представляется сравнительный анализ целевых групп «защищенных» и «незащищенных» по уровню социального самочувствия.

Эмпирические индикаторы показателя «социальное самочувствие» в данной статье отбирались в соответствии с методологическим представлением об этом феномене, неоднократно апробированном как в исследованиях тенденций и особенностей современных процессов социальной адаптации в целом [7; 8], так и применительно к специфическим условиям адаптации к риску [15]. Под «социальным самочувствием» мы понимаем показатель состояния комфортности в среде, отражающий субъективное восприятие конкретной жизненной ситуации, складывающееся из самооценок собственного положения и состояния среды (табл. 1).

Таблица 1

Эмпирическая интерпретация показателя «социальное самочувствие»

Показатели	Индикаторы
оценка собственного положения и его динамики	- самооценка ущерба, нанесенного кризисом - самооценка удовлетворенности собственным положением - самооценка динамики и перспектив материального положения
оценка состояния среды и характера ее изменения	- оценка психологического состояния окружающих людей - оценка динамики напряженности в обществе - оценка ситуации в России - оценка характера изменений, произошедших в России в целом и отдельных сферах ее жизни - оценка ситуации в мире

Результаты анализа¹

Оценка собственного положения и его динамики в группах «защищенных» и «незащищенных». Как известно, скорость адаптации зависит от «адаптивной нагрузки» — «субъективно ощущаемой, воспринимаемой и оцениваемой адаптантом силы “давления” среды» [11, с. 400]. В рассматриваемом контексте важным индикатором социального самочувствия выступает самооценка ущерба, нанесенного кризисом. На рисунке 1 представлены результаты сравнительного анализа целевых групп по этому индикатору.

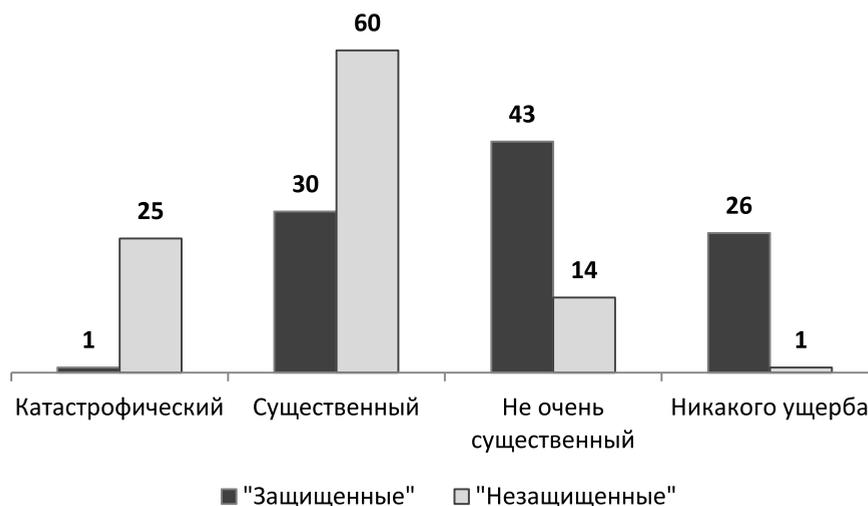

Рис. 1. Самооценка личного ущерба, нанесенного кризисом
(% к количеству опрошенных в каждой группе)

Результаты анализа показывают, что чуть более двух третей «защищенных» считают, что кризис нанес не очень существенный ущерб или совсем не повлиял на них, и только 30% — что ущерб от кризиса существенный. В группе «незащищенных», напротив, большинство (85%) отмечают существенный или катастрофический ущерб от кризиса. Далее сравним, как ущерб, нанесенный кризисом, отражается в оценках респондентов их собственного положения.

В ходе опроса респондентам предлагалось оценить различные стороны их жизни по трехбалльной шкале (хорошо — удовлетворительно — плохо). Для сравнительного анализа собственного положения «защищенных» и «незащищенных» мы построили индекс удовлетворенности (табл. 2).

¹ В текст статьи включены результаты сравнительного анализа, основанные на статистически значимых различиях. Статистическая значимость наблюдаемых различий проверялась по критерию хи-квадрат на уровне значимости 0,05.

Таблица 2

Индекс удовлетворенности собственным положением²

Стороны жизни	Целевые группы	
	«защищенные»	«незащищенные»
материальная обеспеченность	0,3	-0,5
питание	0,7	-0,1
одежда	0,6	-0,3
состояние здоровья	0,6	-0,4
жилищные условия	0,7	-0,1
отношения в семье	0,9	0,2
возможности проведения досуга	0,5	-0,2
ситуация на работе	0,5	-0,2
возможность отдыха в период отпуска	0,3	-0,4
возможность общения с друзьями	0,8	0,1
возможность самореализации в профессии	0,5	-0,4
возможность получения необходимых образования и знаний	0,5	-0,4
место, регион проживания	0,7	-0,1
положение, статус в обществе	0,8	-0,4
экологическая ситуация в месте проживания	0,4	-0,5
возможность выражать свои политические взгляды	0,3	-0,3
как складывается жизнь в целом	0,8	-0,3

Сравнение значений индекса удовлетворенности показывают, что «незащищенные» по сравнению с «защищенными» демонстрируют более низкий уровень удовлетворенности всеми сторонами жизни. Максимальные различия наблюдаются в самооценках материальной обеспеченности, возможностей отдыха в период отпуска и экологической ситуации в месте проживания. По результатам комплексных социологических исследований, материальное положение выступает одним из ведущих факторов, оказывающих влияние на динамику социального самочувствия населения [8; 23]. В рассматриваемых целевых группах выявлены значимые различия в самооценках изменений материального положения. Так, его ухудшение за последний год отмечают 24% «защищенных» и 80% «незащищенных»; об отсутствии изменений за этот период говорят соответственно 57 и 19% респондентов. Дальнейшего

² Индекс удовлетворенности рассчитан на основе методики, представленной в [25], по формуле: $иу = \frac{(a-b)}{100}$, где a — доля респондентов, оценивающих свое положение как хорошее; b — доля респондентов, оценивающих свое положение как плохое. ИУ принимает значение от -1 (абсолютная неудовлетворенность) до $+1$ (абсолютная удовлетворенность).

ухудшения материального положения ожидают 67% «незащищенных» и только 7% «защищенных». По самооценкам материальных перспектив «защищенные» разделились примерно поровну: считают, что их материальное положение в ближайший год не изменится, 46%, ждут его улучшения 47%. В группе «незащищенных» доля считающих, что их материальное положение не изменится, составляет 28%, а доля ожидающих его улучшения не превышает ошибку выборки.

Таким образом, по расширенному показателю личной безопасности «незащищенные» представляют собой группу, наиболее пострадавшую от ущербов, нанесенных кризисом, что, безусловно, детерминирует их предельно низкие оценки удовлетворенности собственным положением.

Важнейшим внешним «адаптером» (термин Л.В. Корель [11, с. 396]), способствующим повышению адаптированности социальных субъектов, выступает сама среда, точнее, ее качества, объективно существующие или воспринимаемые адаптантом. Мы включаем оценки состояния среды в показатель социального самочувствия, а результатам их анализа в целевых группах посвящен следующий раздел статьи.

Оценка состояния среды и характера ее изменений в группах «защищенных» и «незащищенных». В ходе адаптации каждый субъект испытывает на себе давление сред разных уровней — микро-, мезо- и макро-. В рассматриваемый показатель мы включили анализ оценок психологического состояния окружающих людей (микросреда); ситуации в России и динамики напряжения в обществе (мезосреда); ситуации в мире (макросреда).

В таблице 3 представлены результаты анализа оценок респондентов из целевых групп психологического состояния своей микросреды (родственники, друзья, коллеги по работе).

Таблица 3

Удельный вес оценок психологического состояния людей из ближайшего окружения респондентов целевых групп (% к количеству опрошенных в каждой группе)

Характеристики психологического состояния окружающих людей	Целевые группы*	
	«защищенные»	«незащищенные»
эмоциональная приподнятость	19	0
спокойствие, уравновешенность	76	2
безразличие, апатия	19	27
тревожность	17	59
раздраженность	9	52
озлобленность	3	21
агрессивность	2	13

*Примечание. Сумма в столбцах таблицы превышает 100%, так как ответ на соответствующий вопрос анкеты предполагал множественный выбор.

Результаты анализа демонстрируют, что «защищенные» склонны оценивать свое ближайшее окружение как психологически позитивное, «незащищенные» — напротив, как негативное.

Представления респондентов о состоянии мезосреды мы измеряем через оценки ситуации в России (табл. 4), динамики напряженности в обществе и характера изменений в стране в целом и отдельных сферах жизни общества.

Таблица 4

Оценка ситуации в России

(% к количеству значимых ответов в каждой целевой группе)

Характеристики ситуации	Целевые группы	
	«защищенные»	«незащищенные»
нормальная, спокойная	56	3
напряженная, кризисная	43	76
катастрофическая	1	21

Более половины «защищенных» полагают, что ситуация в России нормальная и спокойная, 43% — что напряженная, кризисная. Абсолютное большинство «незащищенных» оценивают ситуацию в России как напряженную, кризисную или катастрофическую.

Для анализа представлений респондентов о динамике напряженности в обществе пятибалльная оценочная шкала преобразована в трехбалльную путем сложения позиций «напряжение в обществе существенно снижается» и «немного снижается» («снижается»), а также «существенно возрастает» и «немного возрастает» («возрастает»). Позиция «ситуация в обществе остается такой же, как и была раньше» трактуется как «напряженность остается неизменной» (табл. 5).

Таблица 5

Оценка динамики напряженности в обществе

(% к количеству опрошенных в каждой целевой группе)

Характеристики динамики напряженности в обществе	Целевые группы	
	«защищенные»	«незащищенные»
снижается	39	2
возрастает	32	81
остается неизменной	29	17

«Защищенные» отмечают скорее положительную динамику напряженности в обществе, в то время как большинство «незащищенных» считают, что она возрастает.

Для анализа представлений респондентов о характере изменений в России в целом за 2016 г. пятибалльная оценочная шкала преобразована в трехбалльную путем сложения позиций «произошли значи-

тельные перемены к лучшему» и «некоторые перемены к лучшему» в позицию «перемены к лучшему», а также «произошли значительные перемены к худшему» и «некоторые перемены к худшему» в позицию «перемены к худшему». Позиция «никаких перемен не произошло» не группировалась. Результаты анализа представлены на рисунке 2.

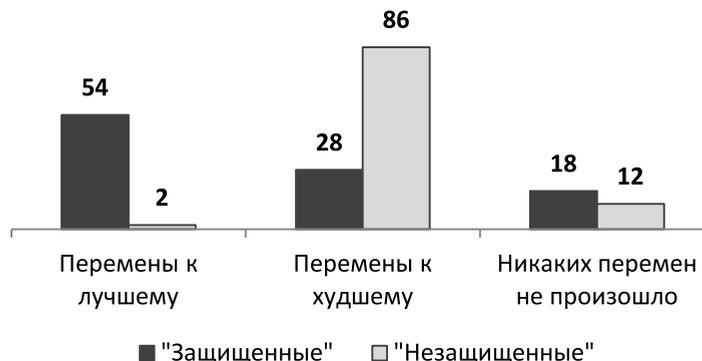

Рис. 2. Оценка характера перемен, произошедших в России за 2016 год (% к количеству опрошенных в каждой группе)

Большинство «незащищенных» полагают, что за последний год в России произошли перемены к худшему. В группе «защищенных» доля таких респондентов составляет 28%, а более половины (54%) подчеркивают положительный характер перемен. Таким образом, вторые более склонны к позитивной оценке ситуации в мезосреде, чем первые.

Далее проанализируем, как респонденты оценивают изменения в отдельных областях жизни российского общества за три года, с 2014 по 2016 г., то есть с начала кризиса. В ходе опроса респондентам предлагалось оценить характер изменений в отдельных областях жизни общества по двадцати позициям. Мы сгруппировали ряд позиций по сферам следующим образом: *экономическая* — состояние экономики страны в целом, уровень жизни населения, уровень безработицы; *социальная* — здравоохранение, образование, пенсионное обеспечение; *политическая* — уровень доверия общества к власти, ситуация в области прав и свобод, развитие демократии; *гражданско-правовая* — уровень социальной активности граждан, желание влиять на власть, уровень солидарности граждан в отстаивании экономических и политических прав; *духовная* — уровень патриотизма, распространение религиозных ценностей, культурный уровень населения; *моральная* — моральное состояние общества, уровень доверия между людьми, склонность к сотрудничеству и взаимопомощи; *защита правопорядка* — борьба с коррупцией, законность и правопорядок, борьба с терроризмом. Затем на основе оценок респондентов целевых групп рассчитали индекс характера изменений по выделенным сферам и построили рейтинг по возрастанию значений индекса. Результаты процедуры представлены в таблице 6.

Таблица 6

Изменения в различных сферах жизни общества: индекс³ и рейтинг

Сферы жизни	Значения индекса в целевых группах		Рейтинг сфер жизни по возрастанию значения индекса	
	«защищенные»	«незащищенные»	«защищенные»	«незащищенные»
экономическая	-0,4	-0,9	I	I
социальная	-0,1	-0,7	II	II
политическая	0,1	-0,7	III	II
гражданско-правовая	0,1	-0,3	III	III
духовная	0,2	-0,2	IV	IV
моральная	-0,1	-0,2	II	IV
защита правопорядка	0,4	-0,2	V	IV

Сравнительный анализ значений индекса демонстрирует, что респонденты из группы «незащищенных» отмечают ухудшения во всех рассматриваемых сферах, в то время как «защищенные» — в экономической, социальной и моральной. Рейтинг значений индекса показывает, что наиболее серьезные негативные изменения, по мнению «незащищенных», коснулись состояния экономики страны в целом, уровня жизни населения, уровня безработицы; состояния здравоохранения, образования, пенсионного обеспечения; а также уровня доверия общества к власти, ситуации в области прав и свобод, развития демократии. Важно отметить, что с точки зрения ресурсного подхода перечисленные составляющие экономической, социальной и политической сфер жизни представляют собой наиболее важные источники накопления ресурсного потенциала, в том числе и адаптационного [16].

В целом мезосреда характеризуется «защищенными» скорее как нормальная и спокойная, с негативными изменениями в отдельных сферах жизни, но с тенденцией к снижению напряженности в обществе и позитивным переменам. «Незащищенные» видят мезосреду кризисной, с негативными изменениями во всех сферах жизни, и наиболее серьезными — в основных ресурсообеспечивающих сферах, с тенденцией к возрастанию напряженности и негативным переменам.

Представления респондентов целевых групп о макросреде мы измеряем через оценки ситуации в мире (табл. 7).

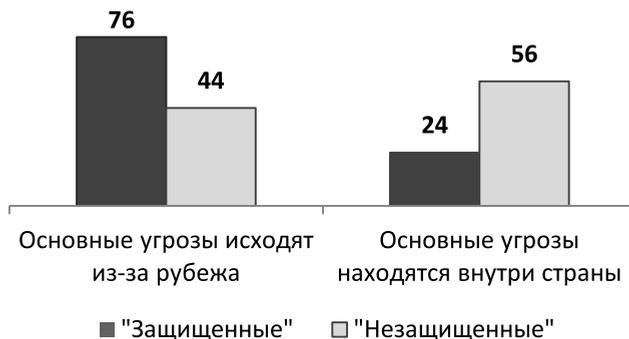
³ Индекс характера изменений для каждой из сфер рассчитан на основе методики, представленной в [25], по формуле:
$$ИХИ = \frac{((a_1 - b_1) + (a_2 - b_2) + \dots + (a_n + b_n))}{n \times 100}$$
, где a — доля позитивных оценок, b — доля негативных оценок; n — количество позиций, включенных в каждую сферу. ИХИ принимает значение от -1 (абсолютно негативные изменения) до $+1$ (абсолютно позитивные изменения).

Таблица 7

Оценка ситуации в мире*(% к количеству значимых ответов в каждой целевой группе)*

Характеристики ситуации в мире	Целевые группы	
	«защищенные»	«незащищенные»
ситуация нормальная, обычная	25	2
ситуация беспокойная, нестабильная	57	52
сегодняшний мир находится в состоянии глубокого кризиса	13	26
мировое сообщество находится на пороге катастрофы, всевозможных потрясений	5	20

Несмотря на то, что «незащищенные» видят макросреду в более негативном свете, чем «защищенные», в обеих группах наблюдается схожая картина — большинство склонны оценивать ситуацию в мире на момент опроса как в той или иной степени беспокойную (98 и 75% соответственно). Зафиксированная тенденция побудила нас углубить анализ и сравнить целевые группы по их представлениям об источниках угроз для России (рис. 3).

Рис. 3. Оценка источников угроз для России*(% к количеству значимых ответов в каждой целевой группе)*

Конфигурация оценок на рисунке 3 демонстрирует значимые различия в представлениях респондентов об источниках угроз: «защищенные» склонны основные угрозы для России видеть за ее пределами (макросреда), «незащищенные» — внутри страны (мезосреда). Предполагаем, что негативные оценки состояния макросреды в отличие от позитивных оценок микро- и мезосред, характерные для группы «защищенных», могут быть обусловлены их представлениями об источниках угроз для России. Однако для обоснованных выводов требуется специальное исследование «репертуара» внутренних и внешних угроз с оценкой отношения к ним респондентов, что мы оставляем за рамками статьи, но планируем изучить в дальнейшем.

В целом группа «незащищенных» характеризуется однонаправленными негативными оценками воздействия среды на разных ее уровнях, в то время как для «защищенных» микро- и мезосреды, в силу позитивного их восприятия, выступают адаптерами, способствующими повышению адаптированности, а макросреда, воспринимаемая как основной источник угроз, фактором, ее снижающим.

Таким образом, по расширенному показателю личной безопасности нам удалось выявить как минимум две группы населения, значимо различающиеся по оценкам социального самочувствия. «Защищенные» — наименее пострадавшая от кризиса группа населения — характеризуются хорошим социальным самочувствием как по оценкам собственного положения, так и по оценкам состояния среды, то есть *высоким уровнем* адаптированности к рискогенной среде. «Незащищенные» — наиболее пострадавшая от нанесенных кризисом ущербов группа, характеризуются плохим социальным самочувствием и негативными оценками давления среды на разных уровнях, то есть *низким уровнем* адаптированности к рискогенной среде.

Выявленные предельно низкие оценки удовлетворенности собственным положением и состоянием среды (в том числе в ресурсообеспечивающих сферах) позволяют определить состояние «незащищенных» на момент опроса как «адаптивный шок», переживаемый субъектом адаптации вследствие перемен, «либо в окружающей его социальной реальности, либо в способах восприятия и интерпретации им этой реальности, либо того и другого вместе» [11, с. 406], характерный для первой стадии адаптогенеза. В связи с этим «незащищенные» представляют собой группу неуспешных адаптантов, так как существенно отстают от «защищенных» по скорости освоения рискогенной среды. В целом группы «защищенных» и «незащищенных» находятся в состоянии адаптивной асимметрии — то есть различаются по скорости и успешности достижения статуса безопасности в условиях рискогенной среды, детерминированной кризисом, и в соответствии с нашей объяснительной моделью могут считаться *адаптированными* и *неадаптированными* на момент опроса.

Для завершенности исследования представляется важным очертить социальный портрет адаптированных и неадаптированных групп населения, выявленных по расширенному показателю личной безопасности. Решению этой задачи посвящен следующий раздел статьи.

Социальный портрет адаптированных и неадаптированных к рискогенной среде групп населения. Анализ осуществим по социально-демографическим показателям — пол, возраст, образование, семейное положение, тип иждивенческой нагрузки, комплексный показатель «занятость» (наличие работы, сфера занятости, профессиональный статус), среднемесячный доход на члена семьи, тип поселения.

В группе адаптированных по показателю личной безопасности более половины (54%) составляют мужчины, в группе неадаптированных почти две трети (64%) — женщины. Среди адаптированных оказалось больше

молодежи (32 против 9% в другой целевой группе), среди неадаптированных — лиц пожилого возраста (43 против 16%). Обнаруженная возрастная дифференциация подтверждается выводами коллег о том, что, по сравнению с остальными возрастными группами «субъективно молодежь в меньшей степени ощущала себя подверженной влиянию кризиса, несмотря на усилившиеся для нее в этот период риски» [14, с. 64].

В группе адаптированных больше респондентов с высшим образованием (46 против 30% в другой группе), среди неадаптированных — со средним и средним специальным (67 против 52% соответственно). Почти четверть адаптированных (23%) никогда не состояли в браке (против 6% — в другой целевой группе). Среди неадаптированных существенно выше доля разведенных и вдовых (38 против 17% соответственно).

Значимым дифференцирующим фактором оказался тип иждивенческой нагрузки. В группе неадаптированных, по сравнению с адаптированными, удельный вес имеющих на иждивении инвалидов 1 и 2 групп либо неработающих пенсионеров — выше соответственно в пять и в два раза, что соотносится с результатами применительно к населению России в целом [14, с. 66–67].

По комплексному показателю занятости дифференцирующим фактором оказалось наличие работы: среди адаптированных большинство работают (73%), в группе неадаптированных доля работающих составляет 58%, доля пенсионеров (в том числе по инвалидности) — 36%. По сфере занятости, профессиональному статусу и типу собственности предприятий существенных различий между группами не выявлено.

Вполне ожидаемы наблюдаемые различия рассматриваемых групп по среднемесячному доходу на члена семьи: в группе неадаптированных выше доля низкодоходных респондентов, доли лиц со средним и высоким доходом значимо не различаются, что соотносится с выводами применительно к разнодоходным группам населения России: «падение уровня жизни и ухудшение условий жизнедеятельности россиян по мере углубления экономического кризиса привело к снижению защищенности жизненно важных прав и интересов граждан, независимо от их уровня материальной обеспеченности. Но при этом в наиболее трудном положении оказались наименее обеспеченные слои населения» [9, с. 116].

Резюме

Результаты анализа показывают, что в рискогенной среде субъективная оценка личной безопасности входит в число факторов, определяющих социальное самочувствие и, следовательно, уровень адаптированности. Выявлены по крайней мере две группы, различающиеся по скорости и успешности освоения изменившейся под воздействием кризиса среды.

Первую составляют респонденты, удовлетворенные уровнем личной безопасности, отличающиеся позитивным эмоционально-психологическим состоянием и уверенные в своем будущем. Респонденты из этой группы представляют наименее пострадавшую от кризиса часть населения и характеризуются хорошим социальным самочувствием,

как по оценкам собственного положения, так и по оценкам состояния среды, — *адаптированные*, то есть достигшие приемлемого статуса безопасности. По социально-демографическим показателям в эту группу попадает больше мужчин, молодежи, респондентов с высшим образованием, имеющих работу, никогда не состоящих в браке, испытывающих незначительную иждивенческую нагрузку, характеризующихся высоким и средним ежемесячным доходом.

Вторую группу составляют респонденты, не удовлетворенные личной безопасностью, отличающиеся негативным эмоционально-психологическим состоянием и не уверенные в своем будущем. Респонденты из этой группы представляют наиболее пострадавшую от кризиса часть населения и характеризуются плохим социальным самочувствием и негативным давлением среды на разных уровнях. Опираясь на выявленные предельно низкие оценки удовлетворенности собственным положением и состоянием среды (в том числе в ресурсообеспечивающих сферах), мы определяем рассматриваемую группу как переживающую «адаптивный шок» — *неадаптированные*, то есть не достигшие приемлемого статуса безопасности, по крайней мере на момент опроса. По социально-демографическим показателям в эту группу попадает больше женщин, лиц пожилого возраста, респондентов со средним и средним специальным образованием, не работающих (в том числе пенсионеров по старости и инвалидности), разведенных и вдовых, имеющих на иждивении инвалидов и не работающих пенсионеров, характеризующихся низким ежемесячным доходом.

Полученные результаты демонстрируют, что высокая оценка личной безопасности является важным адаптационным ресурсом, а низкая выступает барьером на пути адаптации. В целом мы утверждаем, что процесс адаптации к рискогенной среде может быть успешным тогда, когда адаптант достигает определенного статуса безопасности, основанного на высоких оценках собственного положения и состояния среды.

Включение оценок состояния среды в показатель социального самочувствия позволяет наметить основные направления развития адаптационного потенциала для повышения скорости и успешности адаптации к рискогенной среде. Оздоровление экономики страны в целом, повышение уровня жизни населения, нормализация рынка труда и снижение уровня безработицы, улучшение здравоохранения, образования и пенсионного обеспечения, ситуации в области прав и свобод, развитие демократии приведет к снижению внутренних угроз, и российская мезосреда станет важным адаптером в условиях глобальной напряженности.

Предложенный методологический подход, базирующийся на расширенном эмпирическом представлении о личной безопасности, продемонстрировал свою продуктивность и может в дальнейшем использоваться для выявления уязвимых групп населения, оказания им адресной помощи в накоплении адаптационного потенциала, а также в мониторинговых замерах состояния личной безопасности

населения — как социологического сопровождения принятия решений в сфере социальной политики и социального управления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Головаха Е.И., Панина Н.В., Горбачик А.П. Измерение социального самочувствия: тест ИИСС // Социология: 4М. 1998. № 10. С. 45–71.
2. Горшков М.К. Российское общество в контексте новой реальности. К итогам и продолжению социологического мегапроекта. М.: Весь мир, 2017. — 104 с.
3. Зинченко Н.И. Личная безопасность как объект социологического анализа // Социологические исследования. 2007. № 2. С. 137–140.
4. Зубок Ю.А., Чуров В.И. Угрозы в трансформирующейся среде обитания как фактор социальных рисков: прогнозирование и регулирование // Социологические исследования. 2017. № 5. С. 57–67.
5. Кан В.С. Социальное самочувствие молодежи республики Тыва // Новые исследования Тувы. 2010. № 3. С. 203–233.
6. Катастрофическое сознание в современном мире в конце XX века: (По материалам международных исследований) / В.Э. Шляпентох [и др.]; Под ред. В.Э. Шляпентоха, В.Н. Шубкина, В.А. Ядова. М.: Моск. обществ. науч. Фонд; Ин-т социологии РАН; Ун-т штата Мичиган, 1999. — 347 с.
7. Козырева П.М. Процессы адаптации и эволюция социального самочувствия россиян на рубеже XX–XXI веков. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2004. — 320 с.
8. Козырева П.М. Социальная адаптация населения России в постсоветский период // Социологические исследования. 2011. № 6. С. 24–36.
9. Козырева П.М., Смирнов А.И. Социальная безопасность среднедоходных групп в России // Вестник Института социологии. 2016. № 19. С. 94–120. DOI: 10.19181/vis.2016.19.4.436
10. Колесникова О.Н., Чуканова Т.В., Артюхина В.А. Социальное самочувствие и безопасность населения региона: некоторые результаты мониторингового исследования // Вестник Алтайской науки. 2015. № 1. С. 114–118.
11. Корель Л.В. Социология адаптации: Вопросы теории, методологии и методики / Л.В. Корель. Новосибирск: Наука, 2005. — 424 с.
12. Кузнецов В.Н. Социология безопасности. М.: Книга и бизнес, 2003. — 880 с.
13. Латова Н.В. Удовлетворенность жизнью: динамика и факторы // Российское общество и вызовы времени. Книга пятая / [М.К. Горшков и др.]; Под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. М.: Весь Мир, 2017. С. 76–97.
14. Лежнина Ю.П. Влияние кризиса на положение социально-демографических групп населения // Российское общество и вызовы времени. Книга пятая / [М.К. Горшков и др.]; Под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. М.: Весь Мир, 2017. С. 56–75.
15. Мозговая А.В., Шлыкова Е.В. Факторы формирования статуса безопасности в условиях острых и повседневных рисков // Социологическая наука и социальная практика. 2015. № 4 (12). С. 52–73.
16. Осянин А.Н. Проблема адаптационных ресурсов молодежи в социальной теории // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. 2013. № 3 (31). С. 44–50.
17. Панарин С.А. Миграция в контексте безопасности: концептуальные подходы // Миграция и безопасность России / Под ред. Г. Витковской и С. Панарина. М.: Интердиалект+, 2000. С. 15–54.

18. *Порфирьев Б.Н.* Риск и безопасность: определение понятий // Риск в социальном пространстве / Под ред. А.В. Мозговой. М.: Изд-во Института социологии РАН, 2001. С. 38–49.
19. *Пишдаток М.Р.* Понятие безопасности личности в социальном знании // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2011. № 1. С. 41–46.
20. Риски трансформирующейся среды обитания: проблема исследования и управления: монография / Ю.А. Зубок (отв. ред.), В.И. Чупров, И.С. Шаповалова и др. Белгород: ООО «ЭПИЦЕНТР», 2016. — 208 с.
21. Российское общество и вызовы времени. Книга пятая / [М.К. Горшкова и др.]; Под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. М.: Весь Мир, 2017. — 424 с.
22. *Саенко Ю., Привалов Ю., Чепурко Г., Гончарук А., Поддубный В., Сапелкин Ю., Ходоривская Н.* Социальные индексы: теория и практика // Социология: теория, методы, маркетинг. 2014. № 2. С. 102–127.
23. Социальное самочувствие населения в условиях реформ: региональный аспект / Под ред. М.К. Горшкова. М.: Нестор-История, 2011. — 176 с.
24. *Супян В.Б.* Миграция и некоторые аспекты экономической безопасности // Миграция и безопасность России / Под ред. Г. Витковской и С. Панарина. М.: Интердиалект+, 2000. С. 84–108.
25. *Татарова Г.Г.* Методология анализа данных в социологии. М.: Издательский дом «Стратегия», 1998. — 224 с.
26. *Шляпентох В.Э.* Проблемы качества социологической информации: достоверность, репрезентативность, прогностический потенциал. М.: ЦСП, 2006. — 664 с.
27. *Яницкий О.Н.* Социология риска. М.: Изд-во LVS, 2003. — 192 с.

Дата поступления: 15.03.2018.

SOTSILOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL

2018. Vol. 24. No. 3. P. 56–75. DOI: 10.19181/socjour.2018.24.3.5993

E. V. SHLYKOVA

Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Moscow, Russian Federation.

Elena V. Shlykova — Candidate of Sociological Sciences, Leading Research Fellow,
Institute of Sociology of FCTAS RAS. **Address:** 24/35, bl. 5, Krzhizhanovskogo Str.,
117218, Moscow, Russian Federation. **Phone:** +7 (499) 128-76-51.
Email: shlykova70@yandex.ru

SUBJECTIVE ASSESSMENT OF PERSONAL SECURITY

AS AN INDICATOR OF ADAPTATION TO A RISKY ENVIRONMENT

Abstract. The basis for this article is the point that the risk level in a certain environment grows under the influence of economic crisis, causing the population to become vulnerable and require adaptation. Determined is the specificity of the sociological approach towards personal safety assessment based on its connection with social well-being and the process of adaptation to conditions of environmental uncertainty, while substantiating the need for including subjective safety assessment in empirical studies of social well-being. It proves

that traditional indicators are incomplete for an adequate interpretation of the empirical estimation of “personal safety”, as measured in a risky environment. An empirical view of personal safety is augmented by complementing this indicator with assessments of the daily emotional and psychological state and certainty/uncertainty for the future. According to the constructed indicator of personal safety, population groups which differ when it comes to estimates of social well-being were revealed. The analysis was based on empirical data from the Institute of Sociology FCTAS RAS monitoring survey (“fifth wave”, October 2016). Social portraits of population groups which have and have not adapted to the risky environment are presented. The relationship between personal safety and the level of adaptability to a risky environment is proven based on analyzing the contribution of personal safety to the assessment of social well-being. Demonstrated is the fact that a high rating of personal safety is an important adaptive resource, while a low rating acts as a barrier when it comes to adapting. The aim of adaptation to a risky environment is to achieve a certain safety status based on high assessments of one’s own position and the state of the environment. Including assessments of environment state in the social well-being indicator shows the main directions of development for adaptive potential in a risky environment: recovery of the economy; raising living standards for the population, normalizing the labor market and reducing unemployment, improving health, education and pension support, developing democracy and improving the situation with human rights and freedoms.

Keywords: subjective assessment of personal security; risk environment; risk; social well-being; adaptation; adaptability.

For citation: Shlykova E.V. Subjective Assessment of Personal Security as an Indicator of Adaptation to a Risky Environment. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2018. Vol. 24. No. 3. P. 56–75. DOI: 10.19181/socjour.2018.24.3.5993

REFERENCES

1. Golovakha E.I., Panina N.V., Gorbachik A.P. Measurement of social well-being: a test of the IISWB. *Sotsiologiya: 4M*. 1998. No. 10. P. 45–71. (In Russ.)
2. Gorshkov M.K. *Rossiiskoe obshchestvo v kontekste novoi real'nosti. Kitogam i prodolzheniyu sotsiologicheskogo megaproekta*. [Russian society in the context of the new reality. To the results and continuation of the sociological megaproject.] Moscow: Ves' mir publ., 2017. 104 p. (In Russ.)
3. Zinchenko N.I. Personal safety as an object of sociological analysis. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2007. No. 2. P. 137–140. (In Russ.)
4. Zubok Yu.A., Chuprov V.I. Threats in a transforming living environment as a factor of social risks: Forecasting and regulation. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2017. No. 5. P. 57–67. (In Russ.)
5. Kan V.S. Social health of Tuva’s youth. *Novye issledovaniya Tuvy*. 2010. No. 3. P. 203–233. (In Russ.)
6. *Katastroficheskoe soznanie v sovremennom mire v kontse XX veka: (Po materialam mezhdunarodnykh issledovaniy)*. [Catastrophic consciousness in the modern world in the late XX century: (Based on international studies).] Ed. by V.E. Shlyapentokh, V.N. Shubkin, V.A. Yadov. Moscow: Mosk. obshchestv. nauch. Fond publ.; In-t sotsiologii RAN publ.; Un-t shtata Michigan publ., 1999. 347 p. (In Russ.)
7. Kozyreva P.M. *Protssy adaptatsii i evolyutsiya sotsial'nogo samochuvstviya rossiyan na rubezhe XX–XXI vekov*. [The processes of adaptation and evolution of social well-being of Russians at the turn of XX–XXI centuries.] Moscow: Tsentr obshchechelovecheskikh tsennostei publ., 2004. 320 p. (In Russ.)
8. Kozyreva P.M. Social adaptation of Russias population in post-soviet period. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2011. No. 6. P. 24–36. (In Russ.)
9. Kozyreva P.M., Smirnov A.I. Social Security for Groups of Russians with Average Income. *Vestnik Instituta sotsiologii*. 2016. No. 19. P. 94–120. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2016.19.4.436>

10. Kolesnikova O.N., Chukanova T.V., Artyukhina V.A. Social well-being and security of the region's population: some results of the monitoring study. *Vestnik Altaiskoi nauki*. 2015. No. 1. P. 114–118. (In Russ.)
11. Korel' L.V. *Sotsiologiya adaptatsii: Voprosy teorii, metodologii i metodiki*. [Sociology of adaptation: Theory, methodology and methods.] Novosibirsk: Nauka publ., 2005. 424 p. (In Russ.)
12. Kuznetsov V.N. *Sotsiologiya bezopasnosti*. [Sociology of security.] Moscow: Kniga i biznes publ., 2003. 880 p. (In Russ.)
13. Latova N.V. *Satisfaction with life: dynamics and factors. Rossiiskoe obshchestvo i vyzovy vremeni. Kniga pyataya*. [Russian Society and Challenges of The Time. Book Five.] Ed. by M.K. Gorshkov, V.V. Petukhov. Moscow: Ves' Mir publ., 2017. P. 76–97. (In Russ.)
14. Lezhnina Yu.P. Impact of the crisis on the position of social and demographic groups of the population. *Rossiiskoe obshchestvo i vyzovy vremeni. Kniga pyataya*. [Russian Society and Challenges of The Time. Book Five.] Ed. by M.K. Gorshkov, V.V. Petukhov. Moscow: Ves' Mir publ., 2017. P. 56–75. (In Russ.)
15. Mozgovaya A.V., Shlykova E.V. Factors of Safety Status Formation under Acute and Daily Risks. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*. 2015. No. 4 (12). P. 52–73. (In Russ.)
16. Osyaniin A.N. Problem of adaptation of resources youth in social theory. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya Sotsial'nye nauki*. 2013. No. 3 (31). P. 44–50. (In Russ.)
17. Panarin S.A. Migration in the context of security: Conceptual approaches. *Migratsiya i bezopasnost' Rossii*. [Migration and security of Russia.] Ed. by G. Vitkovskaya, S. Panarin. Moscow: Interdialekt+ publ., 2000. P. 15–54. (In Russ.)
18. Porfir'ev B.N. Risk and security: Definition of concepts. *Risk v sotsial'nom prostranstve*. [Risk in social space.] Ed. by A.V. Mozgovaya. Moscow: Izd-vo Instituta sotsiologii RAN publ., 2001. P. 38–49. (In Russ.)
19. Pshidatok M.R. The concept of personal security in social knowledge. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*. 2011. No. 1. P. 41–46. (In Russ.)
20. *Riski transformiruyushcheysya sredy obitaniya: problema issledovaniya i upravleniya: monografiya*. [Risks of transforming environment: The problem of research and management: Monograph.] Ed. by Yu.A. Zubok, V.I. Chuprov, I.S. Shapovalova, et. al. Belgorod: OOO "EPITSENTR" publ., 2016. 208 p. (In Russ.)
21. *Rossiiskoe obshchestvo i vyzovy vremeni. Kniga pyataya*. [Russian Society and Challenges of The Time. Book Five.] Ed. by M.K. Gorshkov, V.V. Petukhov. Moscow: Ves' Mir publ., 2017. 424 p. (In Russ.)
22. Saenko Yu., Privalov Yu., Chepurko G., Goncharuk A., Poddubnyi V., Sapelkin Yu., Khodorivskaya N. Social indices: theory and practice. *Sotsiologiya: teoriya, metody, marketing*. 2014. No. 2. P. 102–127. (In Russ.)
23. *Sotsial'noe samochuvstvie naseleniya v usloviyakh reform: regional'nyi aspekt*. [Social well-being of the population in the context of reforms: Regional aspect.] Ed. by M.K. Gorshkov. Moscow: Nestor-Istoriya publ., 2011. 176 p. (In Russ.)
24. Supyan V.B. Migration and some aspects of economic security. *Migratsiya i bezopasnost' Rossii*. [Migration and security of Russia.] Ed. by G. Vitkovskaya, S. Panarin. Moscow: Interdialekt+ publ., 2000. P. 84–108.
25. Tatarova G.G. *Metodologiya analiza dannykh v sotsiologii*. [Methodology of data analysis in sociology.] Moscow: Izdatel'skii dom "Strategiya" publ., 1998. 224 p. (In Russ.)
26. Shlyapentokh V.E. *Problemy kachestva sotsiologicheskoi informatsii: dostovernost', reprezentativnost', prognosticheskii potentsial*. [Problems of quality of sociological information: validity, representativeness, predictive capability.] Moscow: TsSP publ., 2006. 664 p. (In Russ.)
27. Yanitskii O.N. *Sotsiologiya riska*. [Sociology of risk.] Moscow: Izd-vo LVS publ., 2003. 192 p. (In Russ.)